

Нефтяной комплекс арабских стран и России: сравнительный анализ

Исаев В. А.

Статья посвящена сравнительному анализу формирования нефтяного комплекса арабских стран и России, играющему крайне важную роль в экономическом развитии этих стран. С этой целью рассмотрены такие вопросы, как история создания и развития нефтяного хозяйства, проблемы внутреннего ценообразования на нефтепродукты, становление системы взаимозависимости экспортеров и импортеров нефти.

Из всех видов сырья ни с чем не сравнимые места в экономике и международных отношениях занимает нефть — основной и пока незаменимый полностью источник энергии, самый массовый товар в мировой торговле. Для арабских стран и России роль этого фактора просто исключительна.

Нефть и арабы

С тех пор, как накануне и во время Первой мировой войны началась ожесточенная конкуренция за мосульскую (Ирак) нефть, понятия «нефть» и «арабы» стали неразрывными. На протяжении вот уже более 100 лет все, что имеет прямое или косвенное отношение к арабской нефти, выросло в многообразную, чрезвычайно разветвленную и сложную систему взаимосвязанных проблем и противоречий на мировом, региональном и страновом уровнях.

По данным на начало XXI в., в арабских странах было сосредоточено почти 65 % мировых запасов жидкого топлива с рекордно низкими издержками производства: два доллара за тонну саудовской нефти против 28 долл. в США и 55 долл. в Северном море. За счет арабской нефти Западная Европа и Япония удовлетворяли свои потребности в жидком топливе в среднем на 60 %, а США — на 25 %. Запасы нефти в районе только одного Персидского залива с его арабским «ядром» таковы, что их вполне достаточно для удовлетворения около 2/3 возможного потребления всеми странами мира в течение как минимум 80 лет¹.

В начале 70-х годов прошлого века арабские страны, действуя через механизм Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), взяли в свои руки (преодолев в жесткой борьбе сопротивление западных нефтяных монополий) определение цен на жидкое топливо и подняли их до уровня, учитывающего, прежде всего, его рентный характер. С этого момента не иностранные монополии, как это было прежде, а сами арабские страны стали получать почти всю нефтяную ренту, в том числе монопольную, которая до того доставалась иностранным нефтяным компаниям. Регулируя через ОПЕК уровень добычи нефти и цены на нее, арабские страны стали оказывать существенное воздействие на экономическое развитие всего мира, в том числе и на финансовую ситуацию мирового хозяйства в его центрах и на периферии, темпы роста национального дохода и направление научно-технического прогресса.

Во время двух вспышек энерго-сырьевого кризиса (1973–1974 и 1979–1980 гг.) торговые и платежные балансы абсолютного большинства развитых государств сводились с отрицательным сальдо. В группе же развивающихся стран-импортеров нефти это сальдо стало хронически отрицательным, что весьма болезненным образом сказалось на всем процессе их хозяйственного развития: расходы на ввоз нефти и нефтепродуктов достигали 30-и и более процентов стоимости всего их импорта. В периоды же резких скачков цен на жидкие углеводороды «нефтяная составляющая» инфляции превышала 25%, что сыграло немаловажную роль в снижении темпов роста национального дохода различных стран.

Исаев Владимир Александрович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН; e-mail: www.vestnik@mgimo.ru

В результате в мировой экономике наступил новый этап — этап повсеместной экономии энергии, снижения энергоемкости машин, оборудования и технологических процессов производства, всего общественного продукта, наконец, структурной перестройки промышленности за счет преимущественного роста неэнергоемких отраслей и выноса в развивающиеся страны производств, потребляющих много энергии (первичная обработка сырья, металлургия и др.). В итоге к началу 1990-х годов конечное энергопотребление в развитых странах сократилось в среднем на 35 %, что избавило их от необходимости ежегодного импорта примерно 900 млн. т энергоносителей в пересчете на нефть².

Со своей стороны, арабские страны, стремившиеся не допустить переполнения мирового рынка жидкого топлива, уменьшали свою нефтедобычу с целью поддержания высоких цен на нефть. Кроме того, они (главным образом страны Персидского залива) расходовали огромные по тем временам средства (до 100 млрд. долл. в год) на сооружение нефтеперерабатывающих и нефтехимических комплексов, чтобы в возможно большей степени заменить экспорт сырой нефти вывозом нефтепродуктов и нефтехимикатов.

Многие арабские нефтеэкспортирующие страны пошли еще дальше и приступили к широкомасштабной диверсификации местной экономики. И хотя на этом пути им пришлось столкнуться с немалыми трудностями, они добились существенных и заметных успехов. Уже в начале 1990-х годов невозможно было представить себе арабский регион без мощных комбинатов черной и цветной металлургии, огромных нефтеперерабатывающих и нефтехимических комплексов, постоянно растущего танкерного флота и т.п. Понятно, что это было бы невозможно без солидной финансовой базы, основой которой послужили так называемые нефтедоллары. Особенно впечатляющим выглядел прогресс монархических государств, расположенных на Аравийском полуострове, в которых еще в конце 1950-х годов существовала работорговля, а все богатство некоторых местных шейхов составляли два-три десятка верблюдов. И вот всего лишь за какие-то 20 лет крошечные поселки, затерянные в аравийских песках, превратились в современные города с развитыми системами жизнеобеспечения населения, в том числе образования и здравоохранения.

Не следует, однако, забывать, что «нефтяное» богатство досталось арабским странам в результате длительной и упорной борьбы (ее история и перипетии хорошо известны из работ многих отечественных и зарубежных экономистов, историков и политологов) против иностранного капитала, в течение ряда десятилетий эксплуатировавшего топливные ресурсы арабского региона. В то же время нельзя отрицать, что основы современной нефтяной промышленности арабских стран были заложены главным образом иностранными нефтяными ком-

паниями, вложившими в этот процесс свой капитал, высокопроизводительное оборудование, современные для тех лет технологии, опыт и труд своих квалифицированных специалистов. Кроме того, они создали и разработали необходимую транспортную инфраструктуру, наладили системы экспорта и продажи жидкого топлива.

Правда и то, что за счет доходов от эксплуатации арабской нефти те же монополии имели возможность сбывать нефть по низким ценам и все же получать высокие доходы. Тем самым они в течение ряда десятилетий создавали центрам капитализма необходимые условия для снижения материалоемкости общественного продукта, развития высококапиталоемкой сырьевой базы, концентрации усилий на форсированном развитии отраслей обрабатывающей промышленности, освоения достижений научно-технического прогресса.

Сравнительно высокие и стабильные темпы роста экономики развитой части капиталистического мира после Второй мировой войны были в существенной степени обеспечены за счет монополистической эксплуатации сырьевых ресурсов «третьего мира», в том числе нефтяных запасов арабских стран, которые заплатили за создание на своей территории современной нефтяной промышленности непомерно высокую цену. К моменту национализации нефтяных концессий арабскими странами иностранные монополии многократно окупили свои вложения и извлекали невероятно высокую прибыль. Например, американские нефтяные компании только в 1971 г. получили 125% чистой прибыли на капитал, вложенный в нефтяную промышленность арабских стран Ближнего Востока, тогда как в самих США этот показатель в том же году составил лишь 8,7%³.

Система взаимозависимости

Такое положение стало одной из причин того, что в 1970-е годы, на гребне энергетического кризиса, арабские страны начали фронтальное наступление на позиции иностранных нефтяных монополий. Это привело, в конце концов, к фактической ликвидации иностранных нефтяных концессий и восстановлению национального суверенитета арабов над источниками нефти. Понятно, что Запад предпринимал свои контрмеры, предлагая арабским нефтедобывающим странам выгодные сферы приложения нефтедолларов, включая потребительские товары, продовольствие, ноу-хау, содействие в строительстве и эксплуатации современных промышленных предприятий, оружие, наконец, чтобы сохранить доступ, пусть даже на новых условиях, к нефтяным ресурсам арабского региона. На всем протяжении 70–80-гг. прошлого века между арабскими и развитыми капиталистическими странами происходила своего рода «притирка» (далеко не бесконфликтная), которая в начале 1990-х годов привела к тому, что между ними стала складываться своеобразная система взаимозависимости⁴.

В арабском регионе не осталось концессий в их классической форме, но иностранный капитал сохранил непосредственный доступ к нефтяным ресурсам. Происходило это в рамках смешанных обществ и компаний под общим контролем со стороны национального государства в лице местных арабских фирм. При этом иностранный партнер был вынужден принять новые, достаточно жесткие правила «игры». Так, на него стали падать все риски на проведение поисковых работ на нефть (частично эти затраты возмещались местными властями только в случае обнаружения коммерческих запасов нефти). Кроме того, он был обязан израсходовать четко обусловленную сумму средств на разведочные работы в заранее оговоренные сроки.

При заключении соглашения иностранные компании стали вносить специальные взносы (бонусы) и обязывались платить особый налог (ройялти), обычно в размере 12,5–20%, и подоходный налог от 55 до 85 % своих доходов по мере роста добычи нефти. Они также должны были поддерживать высокий — от 75 до 90 % — удельный вес национальных кадров: рабочих, инженерно-технического и управленческого персонала, занятых по данному соглашению. В результате доля иностранного капитала в прибылях от операций с нефтью ни в одной арабской стране не превышала к середине 1990-х годов 10 %.

Следует также отметить широкое распространение в арабском регионе подрядных соглашений, при которых в обязательном порядке сохранялся национальный суверенитет на нефтяные ресурсы. Арабские страны использовали эти и другие виды соглашений в комплексе, иногда оговаривая себе право и на неординарные действия. Например, Кувейт добился права выкупить собственность бывших хозяев его нефти, а Саудовская Аравия приобрела танкеры для доставки своей нефти к местам ее потребления. Другими словами, арабские страны прилагали, да и ныне прилагают все усилия, чтобы войти в транснациональный бизнес с нефтью и ее производными. При этом главную гарантию успеха они видят в сохранении и упрочении национального суверенитета над своими нефтяными ресурсами. Наряду с этой важнейшей задачей, арабские страны предприняли и предпринимают усилия по геологическим изысканиям с целью увеличения своих нефтяных запасов, развитию всего нефтяного комплекса, видя в этом основное условие укрепления своих позиций в мировом хозяйстве и залог их дальнейшего социально-экономического прогресса.

Советская нефть: некоторые итоги

Только после распада СССР в нашей прессе и экономической литературе появились работы, в которых были опубликованы реальные данные о ситуации в сфере отечественной нефтеиндустрии, а не победные реляции об ежегодном росте нефтедобычи и экспорте нефти. Действительно, добыча нефти в нашей стране

росла, причем весьма быстрыми темпами: СССР экспортировал до 200 млн. т нефти в год, а за период, минувший с первой вспышки энергетического кризиса в 1973 г. до 1991 г., то есть распада СССР, ее было экспортировано из страны в общей сложности около 3-х млрд. т, что превышало ее годовое потребление во всех вместе взятых странах мира⁵.

При средней цене за тонну нефти на мировом рынке, составлявшей тогда 230–250 долл., можно легко подсчитать, сколько мог бы получить СССР средств, столь необходимых ему для модернизации экономики и подъема жизненного уровня населения. Однако советское руководство тщательно скрывало тот факт, что в «братские социалистические страны» СССР экспортировал нефть по 25–30 «инвалютных рублей» за тонну и по 70–80 «инвалютных рублей» — в развитые капиталистические государства, что было намного меньше средних мировых цен.

И все же СССР сумел получить от продажи за рубеж нефти почти 300 млрд. золотых рублей. Эти средства могли бы пойти на строительство новых заводов по производству товаров широкого потребления, которых столь не хватало населению, перевооружение сельского хозяйства, модернизацию различных отраслей промышленности, включая нефтяную. Однако значительная часть этих «нефте-рублей» растворилась в:

- вложениях в бесперспективные колхозы;
- затратах на содержание двух управленческих аппаратов (партийного и хозяйственного);
- непомерных расходах на военно-промышленный комплекс;
- расходах на поддержку различного рода национально-освободительных движений и революций;
- импорте оборудования для заводов и предприятий, которые так и не были построены или их сооружение безнадежно задерживалось.

В результате бесхозяйственности и экономической не обоснованного роста энергоемкости производства ежегодно терялось примерно 30 млн. т нефтепродуктов, что заставляло работать нефтяную отрасль на пределе возможностей. В итоге, к началу 1990-х годов советская нефтяная промышленность оказалась в крайне сложных условиях: износ основных фондов достиг 90%, а по ряду нефтеперерабатывающих заводов подходил даже к 100%. Устаревшее оборудование, сконцентрированное на предприятиях-гигантах, загрязняло атмосферу до такой степени, что нормы предельно допустимой концентрации сернистых веществ превышались в десятки раз. Заменить это оборудование было нечем, так как советская нефтеперерабатывающая промышленность находилась в сильнейшей зависимости от поставок импортного оборудования, а валютные средства на его закупки не выделялись в достаточной степени.

В частности, в СССР не было организовано производство установок погружных насосов в

износостойком исполнении для скважин с повышенным содержанием механических примесей, не выпускался теплостойкий кабель для высокотемпературных сред. За последние 10 лет существования СССР не было создано ни одного вида оборудования в коррозионностойком исполнении для сред с высоким содержанием сероводорода и углекислого газа. К тому же ряд заводов, выпускавших оборудование для нефтяной промышленности, оказался за пределами России после распада СССР. Например, в Азербайджане оказалась сосредоточенной значительная часть мощностей по выпуску оборудования для нефтедобывающей промышленности, причем по производству ряда его видов он оказался в тот момент монополистом.

Российская нефть: проблемы остаются

Понятно, что российская нефтяная промышленность оказалась в достаточно тяжелом положении, получив непростое советское наследие в одной из своих главных промышленных отраслей. В результате в 1990-е годы российская нефтяная отрасль пережила длительный период упадка, приведший к тому, что объемы первичной переработки нефти снизились с 298 млн. т в 1990 г. до 173 млн. т в 2000 г.⁶

Следует заметить, что в наследство от СССР России досталось 27 нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ), а также 6 специализированных нефтемаслозаводов, выпускающих смазки, присадки и специальные масла. При этом, однако, необходимо учесть, что все крупные НПЗ на территории СССР строились с конца 1940-х годов, как правило, вдали от портовой структуры (видимо, советское руководство принимало во внимание опыт Второй мировой войны, когда массированные авиационные удары наносились в первую очередь по портовым и транспортным узлам противника). Начиная со второй половины 1960-х годов, советское правительство, в соответствии с принципом равного промышленного подъема всех союзных республик, перешло к строительству в них НПЗ. Это решение сыграло злую шутку с Россией, так как после распада СССР ей достались самые устаревшие производства⁷. К тому же страна лишилась значительной части портового хозяйства, в результате чего снизилась пропускная способность российских портов по нефтегрузам.

Стремясь быстрее выйти из этой ситуации, руководители нефтяной отрасли еще в конце 1991 г. предлагали правительству за счет импорта обеспечить не менее 60 % всех ее потребностей в зарубежном оборудовании на 1991–1995 гг., но валютных средств на эти цели государство им не выделило. К тому же правительство Е. Гайдара, «отпустив» в начале 1992 г. цены, «заморозило» их только на нефть, что в условиях галопирующей инфляции только ухудшило положение отрасли. Вместо серьезных преобразований в российском нефтяном хозяйстве правительство РФ приступило к лихорадочной его приватизации,

перекладывая тем самым решение проблем на плечи новых владельцев российской нефти, полагая, что «рынок все решит сам».

Но чудес на свете, как известно, не бывает, и новые владельцы российской нефти увидели выход из положения, естественно, в «подтягивании» внутренних цен на нефть до уровня мировых, аргументируя свои намерения тем обстоятельством, что в таком случае они смогут выбирать, где купить необходимое оборудование — в России или за рубежом. Их требования поддержала и определенная часть специалистов-теоретиков (связанная, как правило, с нефтяной промышленностью). Их аргументы сводились в основном к следующему: свободные цены на нефть внутри страны помогут российским экспортерам жидкого топлива не только адаптироваться к требованиям мирового рынка, но и стать той точкой опоры, на основе которой может выстроиться нормальная структура всех остальных цен. Кроме того, предполагалось, что свободные цены снизят темпы инфляции, поскольку фиксированные цены на нефть создают встроенный («калькуляционный») механизм инфляции, связанный с традиционной системой расчета издержек на государственных предприятиях. К тому же государство, поддерживая заниженные цены на нефть внутри страны, субсидирует всех подряд — от пенсионеров до миллионеров.

Противники подъема цен на нефть на внутреннем рынке, коих оказалось гораздо больше, чем сторонников этого процесса, приводили свои аргументы, которые в целом можно обозначить следующим образом: нефть облагается налогом на добавленную стоимость по общим правилам, то есть акцизным налогом и регулирующим налогом, призванным ограничить рост цен на нее. Это означает, что существует значительный разрыв в уровне цены производителя и цены потребителя нефти. Отсюда вывод — рост цен на жидкое топливо опасен для бюджета страны, ведь более половины нефти в стране потребляют организации, финансируемые из бюджета (армия, часть транспорта, коммунальное хозяйство и др.). Получая дополнительные отчисления от роста прибыли нефтедобытчиков, бюджет одновременно будет вынужден больше затрачивать по соответствующим статьям. При этом повышение уровня цен на нефть задает ориентиры для роста всех остальных цен. К тому же при значительном разрыве в уровне цен производителя и потребителя нефти первым страдает производитель, потому что к нему — через цены на оборудование, материалы и т.п., — приходит цена потребителя. И если на первом этапе нефтяники еще могут выдержать за счет созданного при подъеме цен «запаса прочности», то затем, по мере снижения этого запаса, они вынуждены будут снова их повышать. Тем самым в стране появляется база для раскручивания спирали «цены — издержки — цены», запуская генератор инфляции во всем хозяйстве России.

Эти весьма серьезные аргументы, судя по дальнейшим действиям правительства России, приняты во внимание не были, и возобладала точка зрения «нефтяников», то есть был взят курс на установление мировых цен на жидкое топливо на российском рынке. И хотя этот процесс пока еще не закончен, можно отметить следующее:

- действительно, формальное поступление средств от деятельности нефтяной отрасли стало гораздо большим;
- эти «дополнительные» доходы оказались чисто «бумажными» из-за ускорившейся инфляции и неизбежно произошедшего спада в промышленном производстве, которое в ряде случаев стало нерентабельным в силу высоких цен на энергоносители;
- выросшие доходы от продажи нефти достались в основной своей массе не тем, от кого зависит технический прогресс, а добытчикам жидкого топлива и госструктурам (в виде налогов, акцизов и т.п.);
- в стране усилились негативные социально-экономические процессы (расслоение доходов населения, рост расходов населения на ЖКХ, здравоохранение и образование), инфляция стала неизменным сопровождающим повседневной жизни, стали развиваться коррупционные процессы и др.;
- средства, остающиеся у нефтяников после выплаты всех налогов государству, в подавляющей своей части пошли на личное потребление, а не на модернизацию отрасли.

Исправление ошибок или ухудшение ситуации?

В результате постсоветской России не было построено ни одного НПЗ, а лишь модернизировано несколько из тех самых 27 заводов, доставшихся России с советских времен. Отдельной строкой в списке проблем, обременяющих нефтяную отрасль страны, стоит налогообложение. В 2006 г. была введена новая система его расчета, благодаря чему сегодня бюджет с помощью налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ), экспортных пошлин, налога на прибыль, акцизов на нефтепродукты и т.п., забирает у нефтяников примерно 75 % их прибыли⁸. Нефтяным компаниям при таком налоговом режиме становится невыгодным строить НПЗ. Гораздо проще осуществлять первичную нефтепереработку и экспортировать мазут. Поэтому не вызывает удивления, что производство топочного мазута на российских НПЗ составляет 27 % от всего объема перерабатываемой нефти.

Это приводит к тому, что потребление продукции высокой нефтепереработки на душу населения в России уступает экономически развитым странам, поскольку наша страна использует на эти нужды только 25% добываемой нефти (СССР использовал 75%). В результате

по уровню потребления автомобильного бензина на душу населения США стали обгонять Россию в 8 раз, а Западная Европа и Япония — в 2,3 раза⁹.

Кроме того, глубина переработки нефти на российских предприятиях составляет ныне примерно 70–72%, причем на 13 НПЗ этот индикатор находится в пределах 58–66 %, тогда как в развитых странах глубина переработки нефти — не ниже 85 %, достигая в ряде случаев 95 %¹⁰.

Расчеты показывают, что увеличение глубины переработки нефти позволит получить из ежегодно перерабатываемых в стране 220 млн. т нефти дополнительно 25% нефтепродуктов, которыми можно было бы заменить дешевый высокосернистый топочный мазут и низкокачественные нефтепродукты, поставляемые в настоящее время из России на мировой рынок. Такая замена дает возможность дополнительно получать около 20 млрд. долл. в год¹¹. Но чтобы добиться такого результата, необходимо либо строить новые современные НПЗ, оборудованные по последнему слову техники, либо вкладывать значительные средства в модернизацию старых. Учитывая, что построить новый НПЗ дорого (несколько миллиардов долларов, в зависимости от мощности) и долго (до пяти лет), российские нефтяные компании стали основное внимание уделять модернизации уже существующих мощностей с целью увеличения глубины переработки и улучшения качественных характеристик нефтепродуктов.

Правда, этот процесс начался довольно поздно, в 2004–2005 гг.:

- лидером его стала «Роснефть», активно модернизирующая НПЗ в Туапсе с целью утроения его мощностей и повышения глубины переработки нефти с 56 до 95%;
- ЛУКОЙЛ уже затратил свыше 5 млрд. долл. на реконструкцию своих НПЗ в Нижнем Новгороде, Волгограде, Перми и Ухте и принял программу модернизации на 2008–2017 гг. в размере 25 млрд. долл.;
- ТНК-ВР начал программу модернизации на рязанском и саратовском НПЗ общей стоимостью 1 млрд. долл.¹².

Тем не менее, как представляется, время было упущено. Почти 15 лет российские нефтяники нещадно эксплуатировали нефтяные мощности, мало что в них инвестируя, тем самым «успешно» подводя эти производства к их нынешним показателям: изношенность оборудования на НПЗ страны составляет ныне, по разным оценкам, 70–85%, а уровень выхода так называемых светлых нефтепродуктов не превышает 30%.

Фактической стагнации подобной ситуации в нефтяной отрасли России «способствует» и практическое отсутствие в стране конкурентного нефтяного рынка. Так, доля независимых производителей жидкого топлива не превышает 15% рынка, тогда как подавляющая часть последнего приходится на

несколько вертикально интегрированных компаний, комплексно занимающихся добычей, переработкой и реализацией нефти и ее производных. Несмотря на новую редакцию Закона о конкуренции и ужесточение наказаний за его нарушения, Федеральная антимонопольная служба, как показывает российская повседневная практика, мало что может противопоставить картельным сговорам и доминирующему положению на внутреннем рынке топлива считанного числа крупных российских нефтяных компаний.

Из этого становится понятным, почему российские потребители чуть ли не каждую неделю сталкиваются с повышением цен на бензин, что, естественно, стимулирует инфляционные процессы в стране. В этих условиях некоторые политологи и, к сожалению, экономисты снова стали активно продвигать идею необходимости постепенного повышения внутренних цен на топливо до уровня мировых. Понятно, что эта идея была одобрительно встречена и поддержана (может быть, и профинансирована) российским нефтяным бизнесом. В общем, это можно понять, ведь повышать цены на жидкое топливо гораздо проще и прибыльнее, чем заниматься освоением новых нефтяных месторождений, которые к тому же становятся все более труднодоступными, и вкладывать средства в модернизацию нефтяного хозяйства.

Да и конкурировать на мировом рынке нефти, даже несмотря на высокие цены на жидкое топливо, оказалось нашим нефтяникам сложнее, чем договориться о повышении цен на внутреннем рынке. В этом плане обращает на себя внимание тот факт, что в последние годы доходы российских нефтяных компаний от реализации нефтепродуктов на внутреннем рынке стали в 1,5 раза превышать их выручку от продаж нефтепродуктов за рубежом. При этом объемы их продаж на внутреннем рынке были ниже объемов, поступавших на экспорт¹³. В результате Россия по стоимости одного литра бензина оказалась впереди не только всех стран-экспортеров нефти (кроме Норвегии), но и Китая, США, Киргизии и др., которых к нефтеэкспортирующим причислить довольно проблематично.

Замечу в этой связи, что ни один вменяемый экономист в любой стране не будет рисковать своей репутацией, ставя перед обществом и правительством задачу уравнивания внутренних цен с мировыми, то есть торговать на внутреннем рынке по мировым ценам. Причина проста — ведь если бы все страны перешли повсюду к торговле по мировым ценам, то не стало бы и мировой торговли, базирующейся, как известно, именно на разнице внутренних цен в разных странах. Более того, каждая страна ищет пути понижения своих внутренних цен против мировых, поскольку чем ниже внутренняя цена на тот или иной товар, тем больше сможет выручить страна, продав его на международном рынке по мировым ценам, которые в этом случае будут больше обогащать местную экономику.

Особенно это заметно по ценам на бензин. Например, в середине 2007 г. лишь в 29 государствах из 141 исследованных Международной рейтинговой компанией GTZ, цена одного литра бензина превышала мировую. При этом самая низкая цена в тот момент была в Туркмении (2 американских цента за литр), а самая высокая — в Эритрее (1,9 долл.)¹⁴ При этом ни в одной стране, кроме России, разумеется, никто не ставил вопрос об уравнивании внутренних и мировых цен. Американцы в это время платили, например, за литр бензина 63 цента, саудовцы — 16, а азербайджанцы — 46 центов, и, казалось бы, они все должны были бы поднять внутренние цены до уровня мировых, чтобы «прекратить спекуляцию за счет разницы между внутренними и мировыми ценами и обуздать гонку за экспортными лицензиями».

Дело, однако, в том, что в этих странах, как, впрочем, и во всех остальных, существует крайне жесткое для местных нефтяников условие — приоритет отдается внутренним потребностям экономики. Даже частные нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие компании, не говоря уже о государственных, соблюдают это условие, поскольку во всех странах действует строгий и эффективный государственный контроль над внутренними ценами на энергоносители. Ведь давно уже ясно, что в энергетике при всех обстоятельствах необходим специальный орган, могущий контролировать:

- ввод в строй новых мощностей;
- соблюдение при этом все ужесточающихся экологических требований;
- перераспределение энергии между промышленными предприятиями;
- учет энергетических потребностей местного населения и др.

Поэтому растет и роль государства, которое возлагает на свои соответствующие службы задачи установления процента отчислений от доходов компаний, продающих нефть и ее производные на мировом рынке, чтобы затем выплачивать компенсацию тем нефтяным организациям, которые, в силу тех или иных причин, оперируют исключительно или частично на внутреннем рынке страны. На сегодняшний день только в трех странах (США, Великобритании и России) нефтью распоряжается частник, а во всех остальных энергетический сектор находится в руках государства.

Именно в том случае, когда страна сохраняет достаточно жесткий государственный контроль над ценами на жидкое топливо, она способна волевым порядком устанавливать сравнительно низкие цены на энергоносители на своем внутреннем рынке, замедляя тем самым инфляционные процессы и рост цен на основные базовые товары, услуги ЖКХ и т.п.

Если говорить о российской ситуации, то в сочетании с имеющейся пока квалифицированной рабочей силой и довольно мощной, хотя заметно устаревшей материальной базой, страна может оказаться

способной к сравнительно быстрому реформированию своего энергетического хозяйства. Само же государство может в этом случае выступить гарантом выполнения обязательств по соглашениям с иностранными нефтяными компаниями, изъявившими желание принять участие в разработке российских нефтересурсов. Пока же в России практически нет крупных проектов, кроме СРП «Сахалин-1», в которых доля участия иностранных нефтекомпаний составляла бы 50 % и выше. Правда, «Роснефть» взаимодействует с иностранными участниками в некоторых проектах, но их доля заметно ниже. Исключением на этом фоне выглядят китайцы, принявшие участие в покупке «Удмуртнефти».

На базе более или менее стабильных и контролируемых государством внутренних цен на нефть, жесткого контроля над ее экспортом и отчислением доходов от него в бюджет, отказа российских властей решать свои политические проблемы за счет энергетического сектора, можно было бы попытаться навести элементарный порядок в национальном энергетическом хозяйстве. Эта задача становится все более актуальной, учитывая тот момент, что в ситуации, сложившейся сегодня в российской энергетике, наш нефтяной бизнес предпочитает инвестировать в нефтяное хозяйство зарубежных стран, а не в Россию, даже не пытаясь добиться хоть какого-нибудь паритета. В 2006 г. капиталовложения российских нефтяных компаний в США были в 10 раз выше, чем американские в России¹⁵. В целом же инвестиции ведущих российских компаний топливно-энергетического комплекса в основной капитал (в расчете на одну тонну добытой нефти) оказались в два раза меньше, чем в зарубежных компаниях¹⁶.

Удивляет при этом и тот факт, что российские нефтяные компании не проявляют серьезного внимания не только к перевооружению своего нефтяного хозяйства, но даже к пополнению нефтяных запасов. Не случайно за последние 15 лет не было введено в эксплуатацию ни одного крупного месторождения, а средний размер вновь открываемых месторождений сократился в целом в 3,5 раза. Объемы геологоразведки уменьшились в пять раз. В результате в 1994–2005 гг. запасы нефти в России только сокращались, так как их прирост за счет геологоразведки был стабильно ниже уровня добычи. Только в 2006 г. эти показатели сравнялись, а в 2007 г. прирост запасов нефти даже оказался немного выше уровня ее добычи¹⁷.

По некоторым подсчетам, для того, чтобы хотя бы удержать годовую добычу нефти на уровне 400 млн. т (в 2007 г. Россия добыла 490 млн. т), требуется ежегодно вкладывать в нефтяной комплекс страны не менее 10 млрд. долл. В реальности эта цифра заметно меньше. Такая политика неизбежно ведет не только к консервации сегодняшнего состояния отрасли, но и к ее постепенной деградации. Так, средний показатель дебита нефтяной скважины по России снизился до примерно 11 тонн в сутки, а скважину с производи-

тельностью 3–5 тонн в сутки стало принятым считать нерентабельной и, как правило, ее консервируют. В результате процент извлечения нефти, по данным Института энергетической стратегии, ныне варьируется от 30 до 37% от объема залежи, что является весьма скромным показателем даже для России. А ведь если увеличить средний коэффициент извлечения нефти по стране хотя бы на 10%, то это могло бы дополнительно дать 140 млн. т, что превышает суммарный потенциал Восточной Сибири¹⁸.

По мнению академика РАН А.Конторовича, «...в условиях системного кризиса конца 80-х и 90-х годов XX века произошла трагедия, аналогов которой не знает мировая история. В начале, в 1985–1990 гг., в условиях «перестройки» при росте энергопотребления на душу населения перестал увеличиваться ВВП. После 1991 г., в условиях «реформ переходного периода», произошел полный развал экономики, упала добыча нефти и угля. И Россия с траектории экономического развития, свойственного развитым странам с серьезной ролью сырьевого комплекса в экономике, перешла на траекторию отсталых стран третьей группы (к которым А.Конторович относит, например, Венесуэлу, Индонезию, Иран и др. — В. И.). При этом энергоемкость единицы ВВП увеличилась в 4–5 раз. В итоге траектория развития российской экономики описала, говоря языком физики, петлю гистерезиса. Экономика нашей страны стала одной из самых неэффективных в мире»¹⁹.

После 2004 г. государство, внимая, казалось бы, этим и другим подобным мнениям, стало в большей степени заниматься национальным нефтяным хозяйством. Достаточно в этой связи вспомнить создание государственной компании «Роснефть», присоединение к ней активов ЮКОСа, другие акции, которые, в случае эффективного управления и работы нефтегазового комплекса, могли бы заметно улучшить условия жизни российских граждан, да и всей экономики страны в целом. Однако за прошедшие несколько лет этого не произошло. Наши госчиновники не последовали примеру своих коллег из других нефтедобывающих стран, в которых государству принадлежит подавляющая часть нефтяной промышленности, таких как, например, Кувейт, Саудовская Аравия, да и та же Норвегия.

Получив фактический контроль над работой отечественных нефтяных компаний и, главное, доходами от продажи нефти, российское государство почему-то предпочло оставить в нефтегазовом комплексе страны видимость частной собственности на энергоресурсы. Так, акции почти всех нефтяных компаний, контролируемых государством, торгуются на рынке. В результате государство становится на деле не собственником, а только одним из акционеров принадлежащих ему компаний, что уже выглядит абсурдно. Ведь при таком положении вещей получается, что представители государства, иначе говоря, государственные чиновники, имеют возможность:

- управлять нефтяными компаниями и их акциями через советы директоров;
- добиваться принятия властями нужных нефтяным компаниям нормативных актов, влияющих на работу всего нефтегазового комплекса;
- контролировать финансовые потоки компаний, но при этом не нести никакой, даже формальной ответственности за их работу перед российским населением, поскольку наличие миноритарных акционеров превращает эти компании на деле из государственных в частные.

Такая ситуация позволяет этим же госчиновникам, например, объявлять приоритетной задачей нефтяной отрасли повышение доходов от ее деятельности, ограничивать социальную политику рамками обычной благотворительности, «играть в конкуренцию» при формировании внутренних цен на жидкое топливо и его производные. Одновременно им разрешено получать высокие оклады, как членам советов директоров, они могут выбирать подрядчиков и контрагентов, исходя из собственных интересов, обладают возможностью добиваться от российского государства налоговых льгот и снижения транспортных тарифов др. Словом, пользоваться преимуществами, характерными для государственных, а не частных компаний.

Все это приводит к тому, что эффективность нефтяного хозяйства России уменьшается, несмотря на все надежды руководителей государства «вытащить» российскую экономику в целом на передовые рубежи с помощью нефтегазового «локомотива». В последние годы к вышеперечисленным бедам российской нефти добавились не только «ножницы Кудрина»²⁰, но и другая угроза, которую можно назвать «нефтяным крестом». Дело в том, что, если наложить на график динамику добычи нефти на разрабатываемых российских месторождениях по мере их истощения и растущую динамику потребностей внутренних потребителей и объемы экспорта по заключенным и намеченным к подписанию контрактам, то можно говорить о четкой тенденции их пересечения уже через несколько лет²¹.

Таким образом, времени для исправления создавшейся ситуации в российском нефтяном хозяйстве практически не осталось. А ведь только для внесения корректив в нынешнее положение необходимо хотя бы начать:

- пересмотр ряда положений системы налогообложения нефтяной отрасли;
- уточнить долгосрочную программу лицензирования недр;
- провести экспертизу выданных и проектируемых лицензионных соглашений;
- обеспечить опережающее геологическое исследование нефтегазоносных районов;
- создать условия для привлечения и эффективного использования иностранного и российского капиталов в нефтегазовом комплексе страны;

- ускорить модернизацию НПЗ; пересмотреть ряд положений в сфере управления государственными нефтяными компаниями и др.

Некоторые итоги

К сожалению, на текущий момент сравнительный анализ современного развития нефтяного комплекса в арабских странах и России выглядит явно не в пользу последней. Конечно, не следует идеализировать руководство арабских нефтедобывающих стран, которое, естественно, не избежало многих ошибок и просчетов при развитии нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей. За это оно вполне справедливо подвергалось критике со стороны отечественных и зарубежных аналитиков. Тем не менее, если объективно сопоставить уровень социально-экономического развития, достигнутый за 20 лет (1973–1993 гг.), скажем, ОАЭ, Саудовской Аравией и Катаром, не говоря уже о Кувейте или Норвегии и аналогичные показатели по России за 1991 – 2010 годы, то можно заметить разительные различия.

Арабские страны-экспортеры нефти за эти годы серьезнейшим образом сумели:

- перестроить свои отношения с иностранным капиталом;
- заметно модернизировать свою нефтедобывающую отрасль;
- практически на пустом месте создать современные нефтехимию и нефтепереработку;
- придать положительные импульсы всему хозяйственному развитию;
- создать эффективные фонды развития и фонды будущих поколений (Кувейт, например, с их помощью сумел в кратчайшие исторические сроки полностью восстановить свое национальное хозяйство, включая нефтяной комплекс, после освобождения от разрушительной иракской оккупации в начале 1990-х годов);
- построить современную финансовую систему;
- обеспечить своих граждан полновесным социальным «пакетом», включающим полностью бесплатные и эффективно действующие системы здравоохранения и образования и т.д.

России же, кроме, пожалуй, создания резервного и стабилизационного фондов, похвастаться особенно нечем. Вообще, при более внимательном сравнении российских и арабских достижений на «нефтяном фронте», создается впечатление, что российская нефтяная промышленность, судя по многим признакам, переживает в настоящее время примерно те же трудности, которые пришлось (конечно, в разной степени) преодолевать различным арабским странам. Из этого напрашивается вывод о необходимости глубокого и непредвзятого осмысления опыта арабских нефтедобывающих государств. Как в сферах развития нефтедобычи, выработки политики соотношения внутренних и внешних цен на жидкое топливо, распределения и

использования доходов от экспорта нефти и продаже ее на внутреннем рынке, так и в области истории их отношений с иностранным капиталом.

При этом вся логика и мировой опыт подавляющего числа зарубежных нефтедобывающих (да и нефтеимпортирующих) стран свидетельствует о необходимости взятия государством в свои руки всего национального ТЭК, доходов от продажи энергоносителей, жесткого распределения этих доходов согласно четко определенным государственным нуждам. При этом не стоит опасаться обвинений в отказе от принципов либерализации экономики, свободы рынка, приватизации и т. п. со стороны адептов разных неоллиберальных экономических теорий. Они, скажем так, крайне аккуратно обходят стороной примеры Норвегии или Мексики, не говоря уже о Франции и Германии, в которых энергетический комплекс принадлежит государственному сектору, а частник допущен в него на крайне жестких и подчиненных условиях и только в четко определенные сферы. Но зато они же охотно критикуют те же арабские страны за «нефтяное проклятье».

Замечу, что не следует полагать, что автор призывает к немедленной ренационализации российского нефтяного комплекса по образцу 1920-х годов в виде

«матроса в кожанке и с маузером». Достаточно вспомнить и более цивилизованные методы, скажем, за выкуп. Кстати, именно этим методом пользовались при национализации свои нефтяных богатств, например, Саудовская Аравия, Кувейт и др. Россия тоже использовала этот же метод, ведь именно так, но, естественно, с российской «спецификой», активы ЮКОСа отошли к государственной «Роснефти».

В заключение необходимо отметить, что нашим властям пора бы уже твердо уяснить: «игры» с ценами на нефть социально опасны, а сама нефть — уникальное и необходимое для современной экономики сырье, продажа которого должна обеспечивать не только нужды властей, топ-менеджеров нефтяного бизнеса и их окружения, но и всех остальных граждан России.

Summary: This article is dedicated to comparative analysis of oil complex development in the Arab countries and Russia, playing the major role for the economic development of both sides. For this purpose we will consider the following issues: history of oil sector creation and development, internal prices for oil products, formation of oil exporters-importers interdependency system.

Ключевые слова

нефтяной комплекс, арабские страны, Россия, цены на нефть

Keywords

oil complex, the Arab countries, Russia, oil prices

Примечания

1. "Le Monde. Economie.", 28.06.05, p.11.
2. «Народный депутат», 1992, № 12, с.59.
3. Андреасян Р.Н. «Нефть и арабские страны в 1973–1983 годах», М., 1990, с. 25.
4. Более подробно см.: «Сырьевой кризис современного капитализма (мирохозяйственные аспекты)», М., 1980, с. 224–235.
5. «Обозреватель», 1993, № 23, с. 74.
6. «Коммерсантъ Business Guide», 2008, № 106, с. 37.
7. «Мировая энергетика», 2007, № 5, с. 29.
8. «Коммерсантъ Business Guide», 2008, № 47/П, с. 28.
9. «Мировая энергетика», 2007, № 5, с. 29.
10. «Российская газета», 04.05.07, с. 11.
11. «Мировая энергетика», 2007, № 5, с. 29–30.
12. «Коммерсантъ Business Guide», 2008, № 106, с. 38.
13. «Российская газета», 22.02.07.
14. «Время новостей», 18.07.07, с. 9.
15. «Российская газета», 04.05.07, с. 11.
16. «Вестник нефтегазового комплекса», 2006, № 1–2, с. 12.
17. «Коммерсантъ Власть», 2008, № 35, с. 70.
18. «Коммерсантъ Business Guide», 2008, № 106, с. 32.
19. Конторович А. Энергообеспечение и энергоэффективность как важные рычаги роста экономики России. // «Вестник нефтегазового комплекса», 2006, № 4, 2007, № 1, Специальный выпуск, с. 104–105
20. Если коротко, то под этим термином понимаются следующие действия Минфина РФ: экспортная пошлина на нефть в России устанавливается раз в два месяца по итогам мониторинга мировых цен за этот период. Довольно часто возникает такая ситуация, при которой пошлина повысилась, а цены, наоборот, понизились. В результате у нефтяной отрасли «отрезаются» солидные «куски» прибыли.
21. «Коммерсантъ», 06.07.06.